

ИРИНА ВАЛЕРИНА

ВОЗВАН

СИМОРОН

Ирина Валерина

Вован Симорон

«Автор»

2026

Валерина И.

Вован Симорон / И. Валерина — «Автор», 2026

Говорят, если жизнь загнала в угол, нужно просто позвонить Вовану. Номер такой, что раз услышав, уже не забудешь. Для звонка сгодится что угодно, хоть игрушечный мобильник. Изложите суть, пообещайте что-то сделать, и желание исполнится. Кто такой Вован, никто не знает. Да и какая разница? Главное же, что всё исполняется. Валентин Петрович тоже позвонил. Всего-то и хотел, что спасти бизнес от разорения. Теперь он носит леденцы в каждом кармане, не снимает серебряный перстень и круглосуточно ждёт звонка. Игнорировать Вована — чревато...

© Валерина И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Симороном по беспределью	5
Глава 2. Вкусенькое	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ирина Валерина Вован Симорон

Глава 1. Симороном по беспределю

Валентин Петрович закрыл входную дверь на оба замка, прислонился к стене и медленно сполз на обувницу. Осел, так сказать, осёл бесформенным кулем. Ослом он, конечно, не был даже фигурально. На деле Валентин Петрович являлся крупным, погрузневшим к шестидесяти годам мужчиной. Но жизнеощущение сегодня подвезли примерно такое. Задолбался просто в край. Ключи выпали из бессильно разжавшейся руки, звякнули о напольную плитку. Он и поднимать не стал. Затылком упёрся в стену, и глаза сами собой закрылись.

Никто ему не мешал, не приставал с расспросами, как прошёл день. Жена с дочерью и внучкой уже четвертый день как умотали на летние квартиры, теперь жарились в Аланье, присылали фотографии на фоне разливных закатов и требовали от него «не работать на износ». Он, как всегда, обещал.

Не вышло.

За последние двенадцать часов вселенная, похоже, заключила с Валентином Петровичем негласный контракт на уничтожение. Началось в колхозе утро сухим письмом из банка с требованием погасить остаток по кредитной линии в течение десяти рабочих дней. С трудом продравшись через тернии канцеляритных формулировок, он наконец добрался до существенного. Лучше бы погряз на середине, ей-богу. Сумма стояла такая, что он с минуту смотрел на неё, точно двоичник на логарифм из ста двадцати восьми. Даже если немедленно продать все основные средства, что в принципе нереально, всё равно закрыть это многозначное невозможно. Квартира и дом в залоге. Продолжать логическую цепочку нет смысла. Не успел перематерить ситуацию, как позвонила бухгалтерша и дрожащим от паники голосом выложила про налоговую задолженность, всплывшую аж из прошлого ещё года. Пени такие, что голова закачается. Если не уплатить в трёхдневный срок, арестуют счета предприятия, и дальше распад и анархия. Ну, и административку в плечи директору и главбуху, это уж как здрасте. Напортачил уволившийся полгода назад финансист — из молодых, да ранних, а все шишки, как водится, на бедного Ерёму валяются. На руководителя, то есть.

Потом он погнал в банк, проторчал полтора часа в душном кабинете под портретом негнибавшего президента. Вышел — душа навыворот, язык набок, но хотя бы пообещали рассмотреть рассрочку в индивидуальном порядке. Правда, без гарантий. Сел в машину, выдохнул. Завёл двигатель. Сдал назад, глядя в зеркало, и услышал противно-сочный хруст пластика. «Лексус» премиальный, со столичными номерами. Чёрт знает, откуда взялся, ну не было его там, когда манёвр начинал! Из машины выскочил сопляк лет двадцати пяти в драной брендовой майке и штанах с мотнёй до колен. Ещё и цепь золотая на дубе том висела толщиной с руку — на такой только помесь алабая с крокодилом держать, чтоб не сорвался. Наверняка блохер-миллионник очередной. Пострадавший с ходу заорал таким гадючно-семибатушным матом, что у Валентина Петровича по первости уши в трубочки свернулись. Потом он, конечно, ответил, как полагается, есть ещё порох в пороховницах. Благодарная публика оценила, вся улица на телефоны записывала. Да толку-то. Миром не разошлись. Лексусный демон бил кроссовочным копытом и жаждал крови. Примчались гаёвые, в протокол записали, мол, не убедился в безопасности манёвра. На лишение. Валентин и не спорил.

В общем, зашибись какой денёк выдался. Врагу, как говорится, не пожелаешь, приходите ещё, завтра продолжим.

Валентин Петрович сидел, закрыв глаза, и думал, что больше всего сейчас хочет перестать быть. Ну, не то что бы вовсе не жить, а стать не-собой. Выскользнуть из дряхлеющей личины, из обрыдшего дня сурка, как змея выползает из иссохшей шкуры. Пусть бы вся эта хренотень происходила с кем-то другим, а он сидел бы себе на лавочке в тенишке, шурился на солнце и лопал солёный арахис из пакетика. И чтоб ни единая сволочь не знала бы его имени.

Ему уже это даже видеться начало, поплыли успокоительные картинки, но тут трудо-голик-мозг, ткнув внеплановую дозу кортизола, рывкнул бодрым речитативом: «Симорон! Симорон! От всех проблем избавит он!»

Подхватившись, Валентин Петрович не сразу и понял, с какого это хариуса начал генерировать рекламные слоганы. Потом дошло...

Позавчера шёл он по офисному коридору к кухоньке за чаем. У кофемашины стрекотали две его менеджерши, Алинка и Кристинка (как они сами представлялись в рабочем чате) — двадцатитрёхлетние девицы с кинжальными ногтями, непроницаемыми опакалами навесных ресниц и святой уверенностью, что мир им крупно задолжал чисто за факт их существования. Технику обсуждали. «Симорон», что ли. Он сперва даже не вслушался, делать больше нечего. Так, отметил автоматически: «Симорон» — кажется, фирма какая-то, не то пылесосы, не то стиралки. Не разбирался он в бытовухе, жена покупала что хотела, он платил. Удивился только, с чего бы этим свиристелкам когтистым такие приземлённые материи обсуждать, когда они домой и доставку еды, и клининг заказывают?

Не то что бы он хотел подслушивать, но разговор энергично продолжился, и дальше стало совсем интересно.

— ... и представляе-ешь, трусы именно кра-асные нужно! — горячилась Алинка. — На люстру закидыва-аешь, и денежный поток открыва-ается. Я проверяла-а! Три дня провисели, и мне премию выдали, прикинь!

— Дура ты, зай, — ласково отвечала Кристинка, помешивая сахар. — Это симорон-практики, там главное плюс вайбик поймать. Трусы просто символ. Когда ты их сняла и на люстру запулила, ты энергию освободила.

Валентин Петрович хмыкнул. Ишь ты, символистки, трусы на люстре, в кастрюле пусто. Он уже взялся за ручку двери, чтобы войти и предложить не в меру говорливым девицам не символически поработать — клиентская база провисала второй месяц, — но тут Алина понизила голос до бархатной интимности.

— Кись, я же-е Вова-ану позвонила-а.

Кристина аж подпрыгнула:

— Да ладно?! И чё? И молчит, главное! Ну! Герка твой чё после этого? Вернулся?

Валентин Петрович сердито насупил брови. Внутри шевельнулось глухое раздражение. Вот оно, выходит, что. Магия у них, колдунские техники. Звонят, значит, Вовану, потом кошками мартовскими сладкоголосо мурлычат — а Герка, видите ли, возвращаться должен. Чтoб за полученные рога расписаться, не иначе. В ЗАГСе. Ни стыда, ни совести! Профурсетки!

Кристина уже взахлёб расспрашивала, и Алина сыто так, с ленцой в голосе вещала:

— Вернулся, прики-инь. С цвета-ами. Букетик ваще имба-а. Я в сториз видосик закинула, ты чё, не смотрела ещё?

Кристина что-то невнятно проблеяла, и Алина растеклась вовсю морем разлитым:

— Ну-у да-а, и прощения проси-ил. Ска-азал, что идиот и козёл, и никогда больше, и ваще-е мы в Дуба-ай на следующей неделе лети-им. Всё включено.

— Да ты гонишь!

— Ну рили-и-и, Криска-а-а. Чё мне гнать-то? Вован реально работает.

— А взамен что взял?

Алина масляно рассмеялась.

— Да фигню всякую! Стриптиз станцевала. Ну ты поняла, да-а?

Кристина прыснула, Алина вслед за ней хиханьками-хаханьками зашлась. Пофыркали ещё, пошушукались, потом Кристина спросила деловито:

— А номер у него не поменялся? Напомни, плиз.

— Не-а, — промурлыкала Алина. — Тот же самый, двадцать семь сто восемь. Офигеть, Вован вааще чёткий такой, всё делает.

Она помолчала. Потом раздалось осторожное:

— Как думаешь, это чёрт?

— Может, и чёрт, — поразмыслив, серьёзно ответила Кристина. — А вот не пофиг ли, заюш? Геру-то вернул.

Тут уж Валентин Петрович не выдержал, кашлянул раскатисто, с начальственной хрипотцой. За дверью перепуганно ойкнули, звякнули чашками, и через секунду обе девицы, сооротив невинные мордашки, процокали десятисантиметровыми каблучными копытцами мимо него обратно в офис.

Тогда он только головой им вслед покачал. Вертихвостки!

А теперь старым вороном горбатился на обувной полке и прокручивал этот разговор снова и снова.

Позвонила Вовану. Номер двадцать семь сто восемь. Думаешь, это чёрт? Может, и чёрт. Но Геру-то вернул. Всё делает.

«Всё-всё-всё-всё-о-о-о...» — загудело в голове эхом.

— Бред, — обронил Валентин Петрович. — Невье... Кубический какой-то бред.

Грузно поднявшись, он прошёл в гостиную и включил свет. Рухнул в любимое кресло. На журнальном столике лежал пульт от телевизора. В принципе, если смотреть под определённым углом, очень похоже на телефонную трубку...

Тьфу, вот ведь дрянь привязалась!

Валентин Петрович повертел в руках пульт. Потом покрутил у виска пальцем и достал из кармана мобильник.

Не пойдёт, тут же вспомнил он. Свиристелки же говорили, нельзя позвонить по настоящему.

Игрушечный, значит... Просто игра такая. Вайбик. Ну, поиграем.

Он встал и пошёл в комнату внучки.

Здесь всё дышало счастливым детством, и душа его тут отдыхала. Этот маленький мир создавался в том числе и его стараниями. За девчонок своих он жизни бы не пожалел, для них всегда всё самое лучшее. Игрушки в ожидании своей озорной трёхлетней хозяйки чинно-благородно сидели по полкам. Рядом с кроваткой стоял пластмассовый розовый столик с кассовым аппаратом «Маленький продавец»: кнопки, ящичек для денег и трубка на витом шнуре. Под лопухим плюшевым зайцем нашёлся и игрушечный мобильник «Минни Маус» — раскладушка в блёстках, с круглыми ушами и муляжным экраном.

Сам себе не веря, Валентин Петрович взял его в руку. Розовый пластик, уши, бантик в белый горошек. На экране — наклейка с улыбающейся мышкой. Кнопки большие, объёмные. Нажимаются легко. Пикают.

Он провёл большим пальцем по цифрам.

Совсем уже идиот. Лечиться пора.

Но в голове вновь зазвучал довольный Алинин смех: прикинь, стриптиз станцевала, и всё наладилось.

Валентин Петрович прикинул.

— Если кто узнает, — пробормотал он, — застрелюсь.

И, пока не передумал, быстро набрал. Два. Семь. Один. Ноль. Восемь.

Кнопки щёлкали с лёгким писком. Он поднёс раскладушку к уху. Пластмасса нагрелась в руке, приторно пахла малиной — внучкины духи «Маленькая принцесса» не до конца выветрились.

Пошли гудки. Длинные, ровные, точно междугородние вызовы, как раньше в старых дисковых телефонах. Тягучие такие. Он их ещё не забыл.

Отняв трубку от уха, уставился на экран. Там по-прежнему улыбалась Минни-Маус. Снова приложил к уху. Прошёл пятый гудок. Шестой.

Тут в трубке щёлкнуло, и повисла тишина, глубокая, как вода в колодце.

— Внимательно, — вслед за этим сказал мужской голос. Молодой, спокойный, с лёгкой хрипотцой, будто после долгого сна или вчерашнего застолья. Простой такой голос, добродушный даже.

Валентин Петрович сдавленно кхекнул. Во рту пересохло.

— В-вована можно? — пробормотал он чужим голосом. — Будьте добры...

В трубке спокойно подышали секунд десять. Вдох-выдох, вдо-ох-выдо-ох. У Валентина сердце за это время переехало в голову и начало протюкивать себе выход через уши. Потом послышался короткий беззлобный смешок.

— Ну, слушаю... Петрович. Рассказывай.

Вот тут у Валентина Петровича внутри всё оборвалось и полетело вниз, точно лифт в шахте. Он ведь не представлялся. Совсем никак, ни слова о себе не сказал. Он только попросил Вована.

— Я... э-э... — начал он и осёкся.

— Э, э! Да говори ты, не ссы, — дружески подбодрил голос. — У тебя там полная жопа, я вижу. Бизнес-шмизнес, кредиты-мудиты, бабки полгода должны, налоговая счета арестует, тачка битая, сам на нервяке весь. Короче, классика. Давай по порядку.

И Валентин Петрович заговорил. Сперва сбивчиво, потом пошло всё доверительнее, точно на исповеди. А как не рассказать, когда Вован так душевно слушает? Про кредит, про налоговую. Про аварию дурацкую на ровном месте. Про мажорский белый «Лексус» и пацана-понтовилу. Про пустую квартиру и страх, что он уже старый, больше не вывозит, что сломался, как пластиковый поддон, и никто этого не замечает.

Вован не перебивал. Когда Валентин Петрович выдохся, лишь деловито уточнил:

— Кредит закрыть, с налоговой перетереть, аварию разрулить? Так? Бонусом могу подсвежить тебя малёха, а то видок у тебя совсем заношенный.

— Всё так, — не без облегчения ответил Валентин Петрович. — Если сможешь.

— Пф-ф-ф... Если! Ну ты сказанул. Каэш, смогу, — легко отозвался Вован. — Ты чё обещаешь?

Валентин Петрович замялся. Память услужливо подкидывала болтовню девуль: пиво, сладости, чего-нибудь отдать первому встречному. Но прежде чем он успел открыть рот, Вован перебил с явной насмешкой:

— Та-ак, стопэ. Нэ надо пива. У тебя, Петрович, случай сложный. Мы с тобой не девочки, чё ломаться. Давай по-чесноку. Ты обещаешь мне... м-м-м... вкусенькое. Из дома. И показываешь, что попрошу.

— Вкусенькое?.. — растерялся Валентин.

— Ну да. У тебя же есть вкусняха своя, что ты любишь? Что покупаешь всегда. Не для семьи, а чисто для себя?

Валентин Петрович подумал. Себе он особо и не покупал, больше на вкусы домашних ориентировался... Но потом вспомнилось, что в кармане куртки всегда лежит початая упаковка леденцов «Halls», чёрная смородина. Он их машинально сгрызает по две штуки за раз, когда нервничает, а нервничает он всегда. Жена ругается: «Опять эту химию сосёшь, зубы полетят скоро».

— Леденцы люблю, — признался он. — Смородиновые. Но это ж несерьёзно.

— Очень даже серьёзно, — сказал Вован и смачно причмокнул. — Значит, так-с. Леденцы всегда держи при себе. Когда попрошу — угостишь. Понял? И ещё. Колечко у тебя имеется любопытное. Покажешь?

Валентин Петрович машинально коснулся левой руки. Перстень. Серебряный, с чернением, старинной работы. Жена подарила на пятидесятипятилетие. Внутри гравировка «В. П.», снаружи вязь вьётся, растительный вроде бы орнамент. Простая вещь, но душевная, он к ней привык. Носил, как и обручальное, не снимал никогда.

— Это личное, — в замешательстве пробормотал он. Кашлянул. — Подарок. Как можно?

— Так я ж не забираю, — мягко отозвался Вован. — Ты чё, я в каком месте на бандюка похож? Я про показать говорю. Всего-навсего. Показал да и обратно на палец надел. Не трудно же. Дашь посмотреть, когда попрошу?

Валентин Петрович напряжённо молчал.

— Ты мне доверься, — вкрадчиво продолжал Вован. — Я ж челик деловой, не с бухты-барухты хрен какой с бугра. Симорон магия честная, всё по правилам. Проще простого. Всё на договорной основе. Обещаешь — делаешь. Не хочешь — не обещаешь. Пообещал, но не делаешь — ну, тут не взыщи. У нас с тобой контракт. Но и я ж не зверь какой. Покажи колечко, и начнём.

— Показать... — повторил Валентин Петрович одними губами. — Не отдать. Точно только показать?

— Точнее некуда. Я ж сказал.

— Хорошо. Покажу.

— Вот и славно, — голос заметно взбодрился. — Теперь слухай сюды. Завтра первым делом ляхи под пахи и шуруй в банк, к тому же клерку очкастому, к которого сегодня был. Скажешь, Вован одобряю. Прямо так и говори, там мальчик понятливый. Потом в налоговую. Там на шестом этаже, в шестьдесят шестом кабинете чикса симпотная сидит, Иштар Энлильевна по-вашему, скажешь ей то же самое. А с Жоркой, ну, с анчуткой тем лексусным ваще забей, он завтра сам перезвонит, замирился предложит и на карту денег скинет на ремонт. Понял?

— Ох-ре-неть, — честно сказал Валентин Петрович. — Не понял. Как это работает?

— А ты не вникай, — хмыкнул Вован. — Юный натуралист нашёлся. То не твоего ума дело. Спросил бы ещё, откуда ток в розетке. Знаешь правило главного программера этой виртуалки? В рабочий код не лезь. Так и тут. Работает, и ладно. Главное про леденцы не забудь и колечко не посеи. Ну чё, по рукам?

— По рукам.

В трубке засмеялись, незло совсем. Но чуток ехидно, пожалуй.

— Лады, Петрович. Гуд ба-а-ай. Завтра наберу.

Полились короткие гудки.

Валентин Петрович опустил руку. Пластиковая раскладушка подрагивала в потных пальцах. Тёплая-тёплая стала, нагрелась зверски. С экрана всё так же улыбалась милаха Минни-Маус.

Валентин Петрович положил телефончик на журнальный столик, плеснул пекучую коньячную жидкость прямо в чайную чашку и выпил залпом, вкуса не ощутив.

В голове заблудшим шмельём жужжало: «Симорон, симорон, от всех проблем избавит он!»

Завтра ему предстояло сказать сотруднику банка, что Вован одобрил. Интересно, что ему после такого в первую очередь вызовут, дурку или милицию?

Глава 2. Вкусенькое

Утром будильник бодро проорал: «Вставай, вставай, вставай-вставай-вставай!» на мотив канкана, и Валентин Петрович неуверенно восстал из условно мёртвых. Потёр ладонями тяжёлое лицо и сел на кровати. Солнце лезло в дом сквозь шторы, разбитым желтком растекалось по полу. На кухне сытой кошкой урчал холодильник. За окном вяло переругивались дворники, скребли мётлами по асфальту, сгребая первые пожелтевшие листья.

Во рту точно стадо клопов опорожнилось. Валентин смутно помнил, как допил вторую чашку коньяка и потелепался в спальню, стараясь не смотреть на журнальный столик, где оставил внучкин телефончик.

Он поддёрнул клетчатые пижамные штаны и побрёл в гостиную. Игрушечная звонилка лежала на полу в коридоре. Упала ночью, что ли? Валентин остановился над ней, глядя с брезгливостью и опаской, точно на дохлую крысу.

Перешагнув через игрушку, пошёл в душ. Долго стоял под горячей водой. В голове царил полный кавардак, происходящее в рамки обширного жизненного опыта не укладывалось и осмыслению не подлежало. Вован. Вкусенькое. Колечко только на посмотреть... Валентин представил банковского клерка — молодого, в моднявых очках, с повадками выпускника МВА, — и то, как он садится перед этим щеглом в кресло и доверительно бормочет: «Вован одобрил». И глаза у клерка становятся больше очков. Представил — и фыркнул прямо в струю воды. Выключил кран.

Закинул в себя три бутерброда, мысленно отметив, что надо будет вечером зарулить в магазин за продуктами. Кофе не полез, дурнило от запаха и мутило. Ещё только гастрита на хватало. Катька вернётся, по врачам затаскает. Мысли текли ленно, ничего не хотелось. Уже одеваясь перед выходом на улицу, проверил карман куртки. Упаковка «Halls» была на месте, оставалось восемь из десяти леденцов. Ну и ладно.

В кармане ожил мобильный телефон. Судя по номеру, вчерашний клерк из банка.

— Валентин Петрович? Утро доброе. Звоню вам неофициально, — доверительно понижая голос, сообщил тот. — У нас пересмотр решения по вашему вопросу. Руководство дало добро на реструктуризацию. Условия сказочные, поверьте. Вам нужно подъехать сегодня до обеда подписать бумаги, но, честно говоря, — претенциозный парнишка замялся, — ситуация повернулась совершенно неожиданным образом. Я даже не знаю, как это комментировать. В общем, ждём вас в одиннадцать.

Валентин Петрович отбил звонок, плюхнулся на стул. В груди словно тугой узел распустили. Так это что, с банком уже решилось, выходит?

Уже в дверях внезапно задержался, вернулся в гостиную. Розовая раскладушка смиренненько лежала на полу, и никаких вованов в ней не симоронило.

— Ладно, — обронил Валентин. — Вкусенькое так вкусенькое.

И поехал в банк.

Там всё прошло как по маслу. Бумаги уже подготовили, он подписал, с каждым росчерком всё шире расправляя плечи. Клерк нервно дёргал лакированным ботиночком, листы договоров услужливо перелистывал, но глазами с Валентином старался не пересекаться. Сообщать про одобрение Вована так и не пришлось, мелкие бесы Маммоны уже были в курсе. От этого становилось одновременно безбашенно и жутко. Контракт-то, выходит, работал. Пруха пока-тила.

Из банка он сразу поехал в налоговую. Шестой этаж, шестьдесят шестой кабинет, символичнее некуда. Вован сказал, спросить Иштар Энлильевну (имечко — язык сломаешь!). Валентин Петрович предполагал увидеть серомышевую тётку из тех, что за пятьдесят лет без-

упречной службы уже укоренились в родной стул и знают налоговый кодекс лучше, чем имена собственных внуков.

Но его ждал очередной сюрприз.

Когда Валентин Петрович постучал в дверь искомого кабинета, до него донеслось бархатистое и грудное: «Войдите». Налоговичка сидела за столом, уткнувшись в монитор, и поначалу он увидел только породистый профиль и густые чёрные волосы, собранные на затылке в тяжёлый узел. Потом она встала из-за стола, и Валентин ненадолго выпал из реальности.

Его взору предстала эффектная фигуристая брюнетка, одетая в костюмчик сугубо деловой, по бизнес-этикету, но подогнанный по фигуре со столь издевательской точностью, что все стратегически значимые места подчёркивались убийственно безупречно и максимально выгодно. «Гурия, чисто гурия...» — проскочила по нейронным цепям искра в обескровленном мозге Валентина Петровича, и на этом мыслительные процессы встали на паузу. Гурия взмахнула опухшими очевидно не приклеенными, а самых что ни есть собственных ресниц, и её восточные очи прожгли Валентина до самых тёмных доньев. Завершив сканирование, знойная женщина изобразила бровями доброжелательный интерес.

Валентин Петрович, всю жизнь отличавшийся завидной стойкостью к дамским чарам, не без труда остановил короткое, но крайне своевольное путешествие своих глаз по фигуре налоговой.

— Валентин Петрович, полагаю? — спросила она чуть хриловатым голосом, тонко отточенным иронией. — А я вас жду. Проходите, присаживайтесь.

— Вы... меня ждали? — он запнулся. — Откуда...

— Да уж предупредили, — загадочно улыбнулась налоговая дама неземной красоты. — У вас там задолженность, пени, штрафы. Суeta всяческая, словом, не стоит внимания. Я всё посмотрела. База уже обнулилась, не беспокойтесь. Можете проверить в личном кабинете. А бумаги я сейчас подготовлю.

Она обошла стол и не спеша направилась к шкафу с папками. Валентин Петрович с удовольствием проводил её взглядом. Да и кто бы не посмотрел, интересно знать? Даже походка у неё была особенная — плавная, завораживающая... Тут она оглянулась и насмешливо улыбнулась, словно ничего другого от него и не ожидала.

«Петрович, — мысленно взял он себя за шкуру, — у тебя жена, дочь, внучка и полный комплект проблем. Соберись».

Собрался. Даже сумел сфокусировать взгляд на переносице Иштар Энлильевны, когда та вернулась с бумагами.

— Вот, — она положила перед ним папку. — Подпишите здесь и здесь, — остро отточенный коготок ткнул в нужные графы, — и можете забыть про эту задолженность как про страшный сон.

Он подписал. Иштар мельком глянула на его левую руку, где поблёскивал перстень с чернением, и едва заметно улыбнулась. Валентин Петрович готов был поклясться, что в её глазах на секунду мелькнула багровая искра. Но Иштар уже опустила ресницы, и наваждение прошло.

— Спасибо, — сказал он, поднимаясь.

— На здоровье. Вованчику привет. И леденцами не злоупотребляйте, от них зубная эмаль разрушается.

Он открыл было рот, чтобы спросить, откуда она знает про леденцы, но молча закрыл обратно, вспомнив её взгляд-сканер. С такой дамой не забалуешь. К тому же... Вованчику привет. Ну-ну...

Не успел он дойти до машины, как позвонила распираемая счастьем бухгалтерша и протараторила, что «там какая-то ошибка в базах, всё обнулилось, пени убрали, долг списали, я сама ничего не поняла». Следом пришла эсэмэска от вчерашнего Жоры-мажора: «Погоря-

чился, отец. Обойдёмся без суда. Страховая посчитала, короче, ты мне должен три копейки. Забей. Бывай». Ну, и до кучи из ГАИ отзвонились (сами, сами набрали, когда такое бывало!) и предложили приехать за правами.

Валентин Петрович сидел в припаркованной машине с совершенно деревянным от восторга и ужаса лицом. Хорошая там магия или плохая, но оно работало. Реально работало.

Он подумал-подумал — и поехал домой.

В лифте начал насвистывать очередной скороспелый шлягер, подхваченный на утреннем шоу «Поехали!». Три притопа, два прихлопа и слов пучок за пяточок. Такие вечно липнут хуже жвачки к штанам. Оборвал свист, уставился на своё отражение в зеркальной стене лифта. Оказалось, выглядел вполне бодрячком: плечи развёрнуты, морщины на лбу разгладились. Даже пузьяк втянулся. Он помолодел лет на пять за одно утро.

Едва Валентин зашёл в квартиру, из гостиной донеслось: «Тумц-тумц-тумц — ку-ку, тумц-тумц-тумц — ку-ку», после чего полилось залихватское: «Кто-о-о не спрятался — я не виноват!».

Валентин Петрович застыл безмянной женой Лота. Рука с ключом зависла в воздухе. Мелодия играла и играла — задорно, мультяшно, с писком, смешным подхрюкиванием, шорохом, как из сломанной музыкальной шкатулки.

Не разуваясь, он зашёл в гостиную. Звонил игрушечный телефон.

Раскладушка лежала на журнальном столике. Валентин Петрович был точно уверен, что вчера она валялась на полу в коридоре, и он её не поднимал. Экран светился холодным розоватым светом, не имеющим ничего общего с наклейкой Минни-Маус. На нарисованном дисплее бежали строки: Входящий вызов. Абонент: Вован.

Мелодия оборвалась.

Валентин подошёл к столику, взял трубку. Пластик был тёплым, словно телефон вправду ловил ускользящую сеть и перегревался. Валентин Петрович раскрыл раскладушку.

— Алло, — произнёс он мёртвым голосом.

— Привет, Петрович, — энергично проговорил Вован. — Ну чё как? Кредит, налоги, жорка-мажорка — все вопросы сняты?

— Сняты, — сказал Валентин глухо. — Спасибо.

— Не спасибогай мне тут, я в спасении не нуждаюсь. Услуга за услугу. Ты мою просьбу помнишь?

Валентин Петрович нащупал в кармане пачку леденцов.

— Леденцы. И колечко.

— От молодечик какой, всё-то он помнит! Я сейчас хочу. Давай, Петрович, не жмись. Сначала вкусенькое, а потом колечко покажешь.

Валентин поднёс телефон ближе к лицу, покрутил.

— Как я тебе... леденец-то передам? В трубку положить?

— Просто разверни и положи на кнопки. Я сам возьму, что мне надо.

Валентин Петрович достал один леденец, положил его на клавиатуру раскладушки — прямо на цифры 2, 5, 8 — и закрыл крышку. Леденец исчез с хрустом. Чавкнуло.

— М-м-м, — протянул Вован. — Смородинка. Уважаю. Теперь колечко давай.

Валентин Петрович стянул перстень с пальца. Кольцо показалось ему тяжелее, чем помнилось. Поскрёб ногтем гравировку «В. П.» Почистить бы перстень давно надо было, по-хорошему...

— Потом почистишь. Показывай, — нетерпеливо проговорил Вован. — На свет выйди и в трубку им посвети.

— Как это — в трубку посветить?

— Да ёж твою медь, просто поднеси к динамику! Мне свет важен. Ну, сам понимаешь — темно тут.

«Темно тут». У Валентина Петровича по спине пробежал колючий холодок. Где — тут? Он перешёл к окну и осторожно поднёс перстень к динамику телефона. Серебро блеснуло.

— Ближе, — возбуждённо сказал Вован. — Ещё ближе.

Чувствуя себя бандерлогом, Валентин прижал перстень к пластмассовой решётке динамика, и в тот же момент серебро почернело. Валентин Петрович отдернул руку. Перстень был ледяным.

— Хоро-ошее колечко, — мечтательно протянул Вован. — Семейное. Жена подарила, да? Замечательная у тебя жена, Петрович. И дочь чудесная. А внучка вообще чудушко тёплое. Как там её... Дашенька?

Валентин Петрович окаменел изнутри. Свою личную жизнь он даже в офисе никогда не обсуждал. К тому же сейчас вообще не говорил Вовану, что у него есть внучка.

— Откуда? — спотыкаясь о слова, начал говорить, но был прерван.

— Ля, ну ты квадратный, конечно, — издевательски произнёс Вован. — Колечко же. Для чего и говорю, что свет важен. Через колечко всё видно, что любишь, что сердце греет. Дашунчик у тебя молодчинка. Сладенькая такая, весёле-е-енькая. Ты ей телефончик новый играть подари, кстати. Он ей понравится.

— Нет, — отрезал Валентин Петрович, и голос сорвался. — Только не это.

— Ну, нет так нет, — легко согласился Вован. — Я ж не настаиваю. Просто к слову предложил. Ладно, Петрович, на сегодня баста. Работай, живи, радуйся. Леденцы носи при себе и перстень не снимай. Я тёплые вещи люблю, сердечные. Завтра ещё поболтаем.

Экран погас. Телефон снова стал дурацкой игрушкой.

Валентин Петрович стоял посреди гостиной, сжимая перстень в кулаке. Во второй руке теплилась ядовито-розовым вованова звонилка. Ему хотелось разбить игрушку молотком, сжечь на газовой горелке, но он знал уже обострившимся животным чутьём, что выбрасывать нельзя. Контракт. «Не делаешь — ну, не взыщи, сам понимаешь». Он не понимал, но и проверять не хотел.

Валентин положил раскладушку обратно на столик. В зеркале напротив отразилось его бледное взмокшее лицо с расширенными зрачками.

Набрал жене, с минуту послушал гудки, потом вспомнил, что они днями пропадают на море, а вай-фай ловит не на каждом пляже. Отбил звонок. Плеснул грамм сто привычного успокоительного, но то ли коньяк выдохся, то ли он сам превратился в кортизоловый завод непрерывного цикла... В общем, не сработало. Голова разрывалась от дурных мыслей. Вызвал такси, поехал в офис. Наорал на отдел экспедирования. Бестолку. Ничего не помогло, и остаток дня он так и метался загнанным зверем.

Вечером позвонила жена, позвала на видео. За её спиной всеми оттенками лазури и нежно-розового переливался закат. С балкона их квартиры открывался прекрасный вид на море.

— Валик, у нас всё хорошо, жары нет, а водичка шёлковаая...

Катя уже успела немного загореть. Похорошела. Улыбалась мягко и расслабленно. Он полюбовался ею, потом спросил, как там девчонки.

— Дашуня весь день спрашивает, когда деда приедет. Ты там как? Похудел вроде... Опять одну сухомятку ешь и леденцами закусываешь, да?

Вованова звонилка, лежащая на абсолютно ровном столе, внезапно сдвинулась.

— Нормально, — сказал Валентин Петрович невпопад, не сводя глаз с чёртовой игрушки. — Ем всё. Работаю.

— Ты устал? — не отставала Катя. — Голос какой-то странный.

— Нет. Всё в порядке.

— Дашенька тут рисунок нарисовала, хочет тебе показать. Сейчас трубку дам.

Внучка уже вырвала телефон. Весь экран заполнила смеющаяся мордашка, окружённая облаком золотистых кудрей. «Уже веснушек насобирать успела», — тая пломбиром, подумал Валентин Петрович. Внучку, соединявшую в себе черты и жены, и дочери, он обожал до самозабвения.

— Деда! Деда, я тебе домик найисовай! А в домике — мы! И ещё там дядя, он хаёсий!

— Какой... дядя? — спросил Валентин Петрович, чувствуя, как холодеет в груди.

— Там, в домике! — радостно объяснила Дашенька. — Он с тиифончиком! Как у меня! Мы с ним иг'яем. Деда, а ты п'иедешь?

— Приеду, — с обрывающимся сердцем сказал он, — обязательно приеду, Дашуня.

Завершив звонок, он с силой хлопнул себя по лбу и смял горячей ладонью лицо. Ну какой же придурок, а?.. Впервые за много лет ему захотелось заплакать от бессильной тёмной ярости. Вован смотрел через перстень и увидел Дашеньку. И теперь Дашенька рисовала его в домике.

Валентин Петрович взял розовую раскладушку, подержал в руках. Пластик был прохладный, обычный, кнопки — чистые, никакого следа от леденца. Как эта тварь симорон свой чёртов проворачивает?

Выдохнув, он закрыл раскладушку и сунул её в ящик стола. Завтра он собирался вызвать Кристину и Алину и расспросить их о Воване. С пристрастием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.